

АЛЕКСАНДР БРЫЗГАЛИН

**ПРИБЕЖИЩЕ
ВОДОЛЕЯ**

Александр Брызгалин
Прибежище Водолея

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Брызгалин А.

Прибежище Водолея / А. Брызгалин — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Вы когда-нибудь мечтали о собственной планете, для себя и своих друзей? Или, может, все, что вам нужно для счастья, – это обычный антрекотный куст? Или вы вообще хотели бы исчезнуть из этого мира, чтобы начать все сначала где-то в другом месте, по ту сторону вселенной? Правда, нужно помнить, что, если вам повезет и ваше желание исполнится, то нужно быть готовым к любым сюрпризам, подчас запредельного уровня. Но разве что-нибудь сравнится с возможностью понаблюдать за коллапсом Солнца или встретить конец света в последнем в мире отеле, на стыке эпох Рыб и Водолея? В любом случае, вам сюда.

Содержание

В пустоте, среди осколков...	5
Фантастические перспективы	13
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Александр Брызгалин

Прибежище Водолея

В пустоте, среди осколков...

Я повесил трубку на рычаг, шелкнул себя по носу и как мог воспроизвел несколько «па», наглядно иллюстрирующих последние минуты умирающего лебедя. Затем, крикнув воображаемой кухонной челяди, чтобы они там поторопились с обедом, вернулся в дворцовую залу типа «семиметровая комната».

Прекрасная До, возлежащая на роскошном мягком диване типа «раскладушка», отложила книгу и изящным, но властным движением стройной смуглой руки остановила меня на пороге.

– Стой, где стоишь, о Посланник Телефонной Трубки, – молвила она, приподнимаясь на локте под нестройный аккомпанемент пружинной разноголосицы. – Хоть это, конечно, и не важно, но пусть звуки твоего голоса будут приглушены расстоянием. Итак, – она выпрямилась, глаза ее заблестели, – говори: Верховный Ангел дал-таки наконец свое согласие? Он идет сюда спиной вперед, сопровождаемый собственными тенями, и теперь ожидается прибытием с минуты на минуту, не так ли?

Мне не оставалось ничего иного, кроме как тяжело вздохнуть и виновато развести руками.

– Увы, моя Прекрасная До, как ни жаль, но это был не Верховный Ангел. Это был даже не полномочный представитель Редких Свистящих Объемов. Это был человек. Че-ло-век. Смешно звучит. Че-ло-век.

Лицо Прекрасной До помрачнело. Глаза ее, еще секунду назад светившиеся надеждой, потухли, взгляд сделался отсутствующим.

– Человек... Жаль. Интересно, дождемся ли мы чего-нибудь более оригинального? Хотя, наверное, это не так уж и важно, – она задумчиво побарабанила пальцами по обложке книги. – Кстати, ты можешь войти. Ну, так и что же он хотел, этот *человек*? Половину царства за коня?

– Ему нужен рассказ на восемнадцать страничек. – Я подошел к плотно занавешенному окну и сел за свой рабочий стол (середина XX века, неизвестный мастер, стиль «рыжий, обшарпанный, однотумбовый»). – Восемнадцать – и ни в коем случае не больше.

– Человек, – вновь повторила Прекрасная До, думая о чем-то своем. – Опять человек. Станный, однако, у тебя круг знакомых... Надеюсь, этот, сегодняшний – он хотя бы немного сумасшедший?

– О, да, – успокоил я ее, – разумеется. Конечно, он не такой подвинутый, как я или ты, но тем не менее. Он сидит на полставки в одном журнале и...

– Господи, только, пожалуйста, не называй мне его фамилию, – нервно проговорила Прекрасная До. – Хоть это скорее всего и не важно, пусть он для меня так и останется – Ужасный-На-Полставки.

– Пусть, – согласился я. – Только почему же ужасный?

– Потому что он требует от тебя невозможного.

– Все требуют от меня невозможного, – я пожал плечами. – С чего бы это ему быть исключением? Впрочем, это не тема для разговора; я ведь все равно отказался.

– Отказался? – Прекрасная До смирала меня с ног до головы взглядом, полного искреннего презрения и отвращения. – Что значит – отказался? Даже не *попробовав*?

Я устался в крышку стола.

– Это бесполезно. Ему, видишь ли, нужен рассказ о так называемой «нашей жизни». Или, в крайнем случае, о любви.

Прекрасная До с сомнением покачала головой.

– Да-а, этого тебе, пожалуй, не осилить. Нашу жизнь и любовь – на восемнадцати страничках... Кстати, о нашей жизни. Будь добр, посмотри, что там у нас сегодня за окном.

Я протянул руку и осторожно приоткрыл занавеску.

– Похоже, все то же самое: пустота и осколки.

– И никаких Лучезарных Сущностей, возносящихся в светлых потоках?

– Увы, моя Прекрасная До, ни одной.

– Что ж, – вздохнула она, – будем ждать.

– Конечно, – эхом откликнулся я. – Будем ждать.

В передней задребезжал звонок. От неожиданности я вздрогнул.

– Ну вот! – воскликнула Прекрасная До, и в голосе ее зазвучали нотки торжества. – Хоть это и не особенно важно, но мы, кажется, дождались. Ставлю ноль против ноля, что это Верховный Ангел!

– Пойду посмотрю, – сказал я. – Вдруг действительно он?

– Если он пришел лицом вперед, – крикнула мне вдогонку Прекрасная До, – гони его прочь!

– Всенепременно, – ответил я, взясь с замком.

Дверь распахнулась.

Время чуть-чуть замедлило свой бег. Из сумрака пахнуло застоявшейся вечностью. Высокий, невообразимо толстый субъект в небесно-голубом костюме церемонно поклонился.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – ответил я.

– Я – пришелец, – пророкотал незнакомец не слишком уверенно и переступил с ноги на ногу. – Понимаю, это звучит забавно...

– Если откровенно, – сказал я, – это звучит глупо. Уж не обижайтесь, но такие настали времена. Кстати, вы человек?

Он отрицательно покачал лысой веснушчатой головой.

– Я нечто, не имеющее аналогов в вашем мире.

– Хм, – сказал я, с интересом разглядывая посетителя. – Это уже кое-что. А вы как – с визитом вежливости или по делу?

– По делу, – кивнул он. – Причем, по очень важному.

– Значит, вы ошиблись дверью, – произнес я с сожалением. – Здесь вам вряд ли смогут помочь. Здешние территории навечно объявлены «зоной свободного творчества». Никаких дел, тем более важных. Так что если вам необходимо решать проблемы материального характера, лучше не теряйте времени и обратитесь к кому-нибудь другому. В конце концов, посмотрите на меня – и все поймете.

И он посмотрел.

Сначала он посмотрел на мое левое плечо и увидел там сержантский погон. Потом он посмотрел на мое правое плечо и увидел там погон генеральский. Потом его внимательный взгляд скользнул вниз по моему белому лаборантскому халату: по многочисленным кармашкам, откуда торчали ручки и карандаши Торжествующей Творческой Одержимости; по пришитым вместо пуговиц лампочкам от карманного фонарика; по тапочкам, украшенным впереди кривыми зелеными носиками от старых чайников. Потом он попросил повернуться спиной и увидел главное – мой роскошный гибкий плавник, тянущийся от воротника халата до самого пола.

– Ну что? – спросил я, когда осмотр был закончен. – Вы убедились?

– Да, – ответил он, – я убедился. Я убедился в том, что попал именно туда, куда нужно. Вы разрешите войти?

Он тяжело протопал в переднюю, и с ног его, облаченных в чудовищные по величине ботинки, сыпалась звездная пыль типа «уличная грязь».

– Огав, – представился он и протянул мне свою гигантскую пришельческую пятерню. – Огав, Распорядитель Вселенной.

* * *

Прекрасная До расставила на столе чашки и разлила чай. Распорядитель Вселенной крикнул, поднес чашку ко рту и, видимо, ничуть не заботясь насчет своего метаболизма, выплеснул кипяток себе в глотку. Мы с Прекрасной До замерли в немом восхищении. Он даже не поморщился!

– Итак, – произнес Огав, ставя чашку на стол, – к делу!

– К делу, – повторила Прекрасная До и максимально значительно посмотрела на меня.

Но я, разумеется, промолчал. Даже один раз произнесенная, эта фраза могла вызвать у меня сердечный приступ.

– Э-э... – Распорядитель Вселенной наморщил лоб. – Тысячу раз извините, но я забыл ваши имена. Возраст, будь он...

– Можете не извиняться, – махнул я рукой. – Дело в том, что наши имена являются функцией времени. Вот эта сидящая напротив вас восхитительная женщина сейчас носит имя Прекрасная До, но уже всего лишь через... – я взглянул на часы, – через семь с небольшим минут она невидимо внутренне преобразится и станет Прекрасной Ре. Затем, как вы, наверное, уже догадались, она последовательно будет Прекрасной Ми, Прекрасной Фа и так далее – вплоть до Прекрасной Си. Что же касается меня, то мое имя, увы, есть функция куда более случайного аргумента. Совсем недавно я был Посланником Дверного Замка, а сейчас... даже не могу себе представить.

– Сейчас ты просто Сидящий Среди Друзей, – сказала Прекрасная До и положила свою тонкую воздушную руку на мой генеральский погон. – И ты не знаешь, кто ты и откуда пришел, и не знаешь, как, когда и куда уйдешь. Ты – квинтэссенция неопределенности.

– К счастью, это так, – ответил я. – И к счастью, все сказанное обо мне к тебе относится не в меньшей степени. Но мы, кажется, отвлеклись. – Я заметил, что Распорядитель Вселенной что-то уж слишком часто поглядывает на часы. – Так что я... мы должны... э-э... – тут я опять запнулся, потому что слово «делать» застряло-таки у меня в горле.

– Да ничего особенно сложного, Сидящий Среди Друзей, – ободрил меня Огав. – Вы должны будете спасти одну из галактик нашей вселенной. Надеюсь, это вас не затруднит.

– Спа... – только и смог выговорить я.

Прекрасная До подошла ко мне сзади и обняла за шею.

– Он спасет, – уверенно сообщила она хорошую новость замершему в ожидании ответа Огаву. – Почему бы и нет? Мы вместе спасем. Разве можно упустить такой шикарный случай? И еще Верховного Ангела пригласим.

– Ангела не надо, – с ходу отверг инициативу снизу Распорядитель Вселенной. – Так, значит, вы согласны? Предупреждаю сразу: оплата – что угодно и в любом количестве.

– Ну, разумеется, мы согласны, – сказала Прекрасная До и прикоснулась пальцем к кончику моего носа.

– А что это за галактика? – я наконец-то смог выдавить из себя хоть что-то осмысленное.

Взгляд Распорядителя Вселенной затуманился.

– Она далеко... Очень далеко. У нее загадочное название. И она в страшной опасности. – Он помолчал и добавил: – Там мой дом.

– Ладно, – сказал я, поднимаясь и поправляя плавник. – Все ясно, уговорили, я готов. Где ваш звездолет?

– Мой звездолет? – удивленно переспросил Огав. – Какой звездолет?

– Что значит – какой звездолет? – в свою очередь удивился я. – Какой-нибудь. Вы пришелец? Пришелец. Со звезд? Со звезд. Значит, у вас должен быть звездолет, который летает туда-сюда между звездами.

– Ах, *звездолет!* – впервые за все время нашего знакомства Распорядитель Вселенной позволил себе улыбнуться. – Нет-нет, мне такая штука совершенно ни к чему. К тому же, боюсь, вы, Сидящий Среди Друзей, меня не совсем верно поняли. Видите ли, – пояснил он, – дело в том, что спасти галактику вы будете, не выходя из квартиры.

Я немедленно уселся обратно на стул.

– Господи, что же вы сразу-то не сказали? Впрочем, ладно... И как же все это будет выглядеть? Я имею в виду сам процесс спасения.

– Достаточно просто, хотя, возможно, и немного хлопотно. – Огав выставил перед собой правую пятерню и принялся загибать пальцы. – Во-первых, потребуется пустая комната. Во-вторых, ее необходимо затемнить. В-третьих, дверь туда должна быть всегда плотно закрыта, никаких сквозняков! В-четвертых, находиться там вам можно будет только полностью раздетыми, вот в этих вот масках. – Он выудил откуда-то изнутри себя пару упакованных в пластик респираторов. – И, наконец, в-пятых, – он торжественно поднял вверх единственный оставшийся свободным палец. – Вы получаете от меня два устройства, обращаться с которыми, предупреждаю, следует крайне осторожно. Помните, что отныне в ваших руках находятся жизни сотен миллиардов разумных существ. Итак...

Огав продемонстрировал нам желтую блестящую трубочку толщиной в карандаш и длиной сантиметров сорок.

– Смотрите!

Он потянул за находящееся снизу колечко и вдруг в его огромных лапищах распустился дивной красоты цветок. Это был веер, волшебный веер, сотканный из тончайших серебристых нитей и распространяющий вокруг себя удивительное мерцающее сияние. Распорядитель Вселенной плавно взмахнул рукой, и веер ожил, на секунду вспыхнув сотней ярких разноцветных искр.

– Ну и ну! – выдохнул я. – Мы будем спасать галактику вот *этим?*

– Именно этим, – энергично кивнул Огав. – И ни в коем случае ничем иным. – Он вернул веер обратно в рукоятку. – А теперь – внимание, уши на макушке. Вы, конечно, удивлены, что представитель сверхцивилизации обращается за помощью к землянам. Не удивляйтесь. Причуда вселенной: локализация возможна только здесь, у поверхности вашей планеты. Причем сами мы не можем контролировать объект – в здешних условиях мы, к сожалению, нестабильны. Именно поэтому через несколько минут мне придется вас покинуть. Так что запоминайте. Локализация произойдет через восемнадцать часов. Объект будет окружен полем, частично изолирующим его от внешнего мира. Будьте осторожны! Пыль и более крупные частицы чрезвычайно опасны. От вас требуется по возможности поддерживать стерильность помещения и не допускать смещения объекта к границам объема, потому что некоторый дрейф, конечно же, неизбежен. Ну, а об остальном мы как-нибудь позаботимся сами. – Он галактически тяжело вздохнул. – Вот и все.

– Постойте, – озадаченно спросил я, – о каком это объекте вы все время говорите? Окружен полем, дрейфует в объеме... Я что-то совсем запутался. Мы будем охранять супербомбу?

Распорядитель Вселенной хмыкнул. Прекрасная Ре покачала головой.

– Сидящий Среди Друзей, – сказала она. – Ты сегодня безобразно туп. Видимо, придется отстричь тебе твой Плавник Мудрости. Объем, Моя Заклинившая Радость, – это затемненная комната, а дрейфующий под потолком локализованный объект – это... это... ну?

Я перевел взгляд на Огава. Распорядитель Вселенной молча кивнул, и с головы его посыпались веснушки.

– Невероятно! – выдохнул я, пораженный внезапной догадкой. – Потрясающе! Ни в одном сне... И мы с тобой под всем этим – голые, с веерами... И сотни миллиардов внимательных инопланетных глаз... Там будет темно и нам будет немножко весело и немножко страшно.

– Немножко весело и немножко страшно, – эхом отозвалась Прекрасная Ре.

– И когда все закончится, то ничто больше не будет иметь значения. В тот день мы проснемся по другую сторону мечты. Но скажи, разве не этого ждали мы, крошечные виртуальные частицы, столько лет бесцельно носясь в пустоте среди осколков?

– Конечно, этого, – ответила Прекрасная Ре.

* * *

Наскоро перекусив, я сбросил с себя халат, выключил везде свет, надел респиратор и осторожно приоткрыл дверь в погруженную во мрак комнату. Двигаясь словно в замедленном кино, я опустился на колени и на четвереньках подобрался к смутно видневшемуся в дальнем углу надувному матрасу, на котором, заложив руки за голову, лежала Прекрасная Ля.

Комната перестала быть комнатой. Теперь, когда здесь не было ни люстры, ни мебели, когда стекла и стены были выкрашены в черный цвет, помещение сделалось просто «объемом». Спиральная галактика, диаметром метра полтора, висела под потолком в центре этого «объема», едва заметно вращаясь по часовой стрелке. Мириады крошечных светил разжигали непроглядную тьму, испуская холодное таинственное сияние, и зыбкий полумрак, плещущийся в черных углах, создавал иллюзию бесконечного пространства.

Я осторожно лег на спину рядом с Прекрасной Ля. Она положила мне голову на плечо, и мы вместе, в который уже раз, стали смотреть вверх, на столь близкие и столь недоступные звезды, постепенно расслабляясь и теряя ощущение реальности. И не было больше ни верха, ни низа, ни прошлого, ни будущего, а было только настоящее, растворенное в рассеянном свечении галактики, было неторопливое гипнотизирующее вращение, спокойствие и безмолвие.

Поначалу мы договорились, что дежурить будем по очереди, но ничего из этой затеи у нас не вышло. Очень скоро выяснилось, что такой расклад не устраивает ни меня, ни Прекрасную Ля. Уже на следующий после «локализации» день она пришла ко мне во время моей вахты, и с тех пор мы больше не расставались. Мы даже почти перестали есть – звезды заменили нам все. Под звездами мы засыпали, и под звездами мы просыпались, наши глаза привыкали к космическому полумраку, и, пожалуй, единственное, что нам мешало, – это духота.

Как и предупреждал Огав, время от времени галактика уплывала в сторону от центра «объема», и тогда мы раскрывали волшебные веера и плавными взмахами отгоняли дрейфующий объект подальше от коварных стен. Ориентировались мы по редкой цепочке тусклых красноватых звезд, предусмотрительно вывешенных по периметру потолка.

В такие минуты Прекрасная Ля преображалась, становилась бесплотной феей космоса, Хранительницей Всех Звезд и Созвездий. Не знаю, в кого преображался я. Надеюсь, зрелище было не слишком отталкивающим.

Время шло, летело, таяло в лелеемом нами заповедном уголке вселенной, но все стрелки в нашем доме теперь показывали високосный час, и нам было безразлично, что

там за окном – утро или вечер. Если в окружающем мире что-то происходило, это касалось только окружающего мира. Мы жили по законам негаснущих звезд.

Однако мы все чаще стали задумываться о будущем, и мысли эти были совсем не веселые. Тема вслух не обсуждалась, но мы оба чувствовали, что волшебная сказка близится к завершению.

И все же когда конец наступил, выяснилось, что мы к нему совершенно не готовы.

* * *

В тот момент я находился на кухне. Внезапно из комнаты послышался негромкий хлопок. И потом снова – тишина.

Я замер над плитой. Не знаю почему, но я сразу догадался, что означает этот звук. Мне показалось, что у меня остановилось сердце.

Баланс вселенной был восстановлен. Стрелки сдвинулись с места – високосный час закончился.

Чуть слышно скрипнул паркет в передней. Прекрасная Ми, бледная, с неподвижным лицом, вошла в кухню, села на табуретку и положила на стол оба волшебных веера. Я не мог отвести от них глаз. Потом спросил:

– Значит, все?

Она не ответила, да я и не ждал.

Она принялась молча мыть посуду. Движения ее были чисто механическими. Из пальцев выскользнула и со звоном упала в раковину вилка.

Я перевел взгляд на чайник.

– И как же теперь? – беспомощно спросил я у своего искаженного мутного отражения.

– Да все так же, Задающий Бестолковые Вопросы, – ответила за него Прекрасная Ми. – Все так же... Сам знаешь.

* * *

Распорядитель Вселенной объявился ближе к ночи. Выглядел он усталым, но как будто довольным. И веснушек на голове у него значительно прибавилось. Не разобравшись с ходу в ситуации, он рассыпался в восторженных поздравлениях, однако, заметив наше удрученное состояние, сник и даже слегка попрозрачнел. Мы предложили ему чашку чая, и он не отказался.

Он рассказал нам про свою планету. Мы поняли, что это, без сомнения, самое прекрасное место во вселенной. Наверное, так оно и было. Отрадно, что хоть для кого-то в этом мире не существовало проблемы осколков и пустоты. Выяснилось, правда, что в результате «локализации» погибло семь тысяч солнц и около двадцати тысяч планет, но все они были необитаемыми.

Как могли, мы поддерживали беседу. Не знаю, насколько успешно. Мы все еще были подавлены. Мы проснулись по другую сторону мечты и обнаружили, что все пути здесь закольцованы сами на себя.

Наконец Распорядитель Вселенной стал выбираться из-за стола.

– Надеюсь, не слишком вам наскучил. В любом случае пора прощаться. Спасибо за чай, это было удивительно!

Он определенно чувствовал себя не в своей тарелке. Мы были лишь эпизодом в его непостижимом космическом существовании, и он возвращался обратно в свой удивительный мир, в то время как мы, оцепеневшие и потерянные, оставались в нашей мертвой пустоте среди осколков.

Прекрасная Ля попросила себе на память оба веера, а я заказал в вечное пользование пять очень ярких «локализованных» звезд. Распорядитель Вселенной без раздумий согласился, заметив, однако, что звезды здесь вряд ли просуществуют долго.

Он вышел на лестничную клетку.

– Пойдите, вы так и не рассказали, что за опасность угрожала вашей галактике.

– Диф’кризисы и сок’цокеры, – дрогнув зыбким лицом, ответил Огав.

– Господи, – опешил я. – Это еще что такое?

– Надеюсь, вы никогда этого не узнаете. Прощайте!

Голубоватой тучей он унесся в лестничный пролет, и сквозь его костюм просвечивали звездные скопления с загадочными названиями.

– Диф’кризисы и сок’цокеры, – пробормотал я, стоя на пороге. – Неужели какая-то очередная создающая пустоту форма материи?

– Наверняка, – сказала Прекрасная Ля.

Ее передернуло от отвращения.

* * *

Бело-голубые звезды вспыхнули в квартире ровно через сутки. Как я и просил, в вакууме наполовину выкрученных электрических лампочек.

Зрелище завораживало. Визит Верховного Ангела временно потерял актуальность. Однако не прошло и трех месяцев, как крошечные светила одновременно, словно по команде, начали тускнеть. Первой это заметила Прекрасная Си, и на лицо ее вернулось печальное выражение. По нескольку раз в день я становился на стул и, прищурясь, внимательно разглядывал сквозь лупу становившиеся все крупнее темные пятна на поверхности звезд. Испуганные золотые протуберанцы тянулись ко мне, словно моля о спасении.

А потом звезды превратились в темно-красные шарики. Их слабое остаточное свечение можно было увидеть только в темноте.

– Но ты ведь с самого начала знал, что это произойдет, – сказала Прекрасная До.

– Да, – ответил я. – Поэтому и попросил самые крупные звезды.

Она кивнула.

– Ты надеешься, что вспыхнут сверхновые. И что тогда с нами будет?

– Скоро узнаем.

Она плавно взмахнула волшебным веером, и многоцветье искр на миг оживило мертвое пространство.

– Да, скоро узнаем.

* * *

Но надеждам нашим сбыться было не суждено. Ни одна из звезд не стала сверхновой. Оказавшись в зоне нестабильности, все они с интервалом в несколько минут свернулись в черные дыры.

– Жаль, – сказал я, вслушиваясь в молчание пустоты за темным окном. – Начало было довольно многообещающим... Получается, я опять ошибся.

Прекрасная Фа взяла с раскладушки недочитанную книгу и подбросила ее к потолку. Книга затрепетала страницами и рванулась к черной дыре. Звякнуло стекло, и книга исчезла вместе с осколками лампочки.

– Видишь, как все просто? Может, ты и не ошибся.

Вслед за книгой последовали ножницы. Потом старый механический будильник.

– Ты считаешь, нам тоже пора? – спросил я, поежившись.

– Я считаю, что не следует затягивать эпилог.

– Наверное, ты права. Я слышал, что по ту сторону каждой черной дыры есть дыра белая.

– Как поэтично! – улыбнулась Прекрасная Фа. – Нам как раз представляется случай это проверить.

– Да, но ведь это наверняка где-то очень далеко. Там будет непонятно что и непонятно как. Возможно, один раз подпрыгнув, мы навечно воспарим, а задав единственный вопрос, получим сразу все ответы.

– Неужели, – насмешливо спросила Прекрасная Фа, – Владелец Пяти Черных Дыр опасается, что его Плавник Мудрости перестанет играть столь важную роль в его жизни?

– Какого черта, конечно же, нет! – ответил я.

– Так ты готов?

– Разумеется, я готов! Только...

Я вытащил из шкафа чемодан, опустошил его, сунул внутрь портативную пишущую машинку и сколько влезло бумаги. Подумав, зажал под мышкой телефон.

– Ого! – удивилась Прекрасная Фа. – Ты собираешься оттуда кому-то звонить?

– А почему бы и нет? Вдруг напишу рассказ на восемнадцать страничек – о нашей жизни и любви. Вдруг у меня получится?

– И Ужасный-На-Полставки его напечатает? – Прекрасная Фа рассмеялась. – И ты надеешься, что длины провода хватит, чтобы соединить две различные вселенные?

– Конечно, – ответил я. – Ведь новая вселенная – вот она, всего лишь в двух метрах от нас.

1993

Фантастические перспективы

Когда до космопорта имени Файнлайна оставалось менее часа езды, я припарковал машину в тихом месте у обочины, выключил двигатель и, обменявшись с женой многозначительными взглядами, повернулся к сидящим на заднем сиденье детям.

– Значит так, дорогие мои, слушайте внимательно. Как это ни прискорбно, но я вынужден сообщить вам, что в планы нашего летнего отдыха вкрались весьма и весьма существенные изменения. Без преувеличения сказать...

– Как это – вкрались? – с любопытством спросила Эльза, отрывая взгляд от книжки. Ей было всего шесть и она обожала задавать вопросы. – И почему – прискорбно?

– И что значит – существенные? – в тон сестре поинтересовался Майкл. Майклу недавно стукнуло двенадцать, он считал себя крутым, задира л девчонок и культивировал язвительность.

Мне на выручку пришла жена.

– Ваш папа хочет сказать, что мы не летим на Вегу.

Лица детей разочарованно вытянулись.

– Но это не означает, что мы вообще никуда не летим.

Лица детей посветлели.

– Тогда куда же? – спросила Эльза.

– Надеюсь, не на Луну, – сыронизировал Майкл.

Я улыбнулся, оценив чувство юмора сына. Что и говорить, за те полтора года, что я провел на Луне в исправительно-трудовой колонии, он значительно повзрослел. Вовсю давал о себе знать унаследованный от родителей интеллект.

– Пока что это секрет, – произнес я заговорщическим тоном. – В свое время узнаете. Главное – слушайтесь маму и ничему не удивляйтесь. Все понятно?

– Папа, – спросил Майкл, оживляясь, – ты что, опять взялся за старое? Ведь тебя же только что выпустили!

Я молча пожал плечами и вытащил из багажа форменный китель полковника службы Космической Безопасности. Надел, отряхнул с лацканов пылинки и рукавом натер до блеска медаль с изображением кулака и надписью «Мы им показали!».

– И сколько тебе дадут на этот раз? – не унимался Майкл. – Может, даже на Марсе побываешь? Здорово, да?

– Не волнуйся, дорогой, – улыбнулась Линда. – Наш папа все предусмотрел. Он у нас профессионал.

– Именно это меня больше всего и пугает, – заявил Майкл вальяжно, входя в свой любимый образ. – Профессионализм убивает искусство. Профессионал скучен и предсказуем. – Он щелкнул пальцами. – Кроме того, всего в любом случае не предусмотритишь. Лично мне куда больше по душе спонтанные импровизации.

– Не пугай сестру такими словами, – посоветовал я, заводя мотор. – И запомни: все идет по плану, главное – никакой инициативы.

* * *

Высадив жену и детей у входа в зал ожидания и убедившись, что они благополучно смешались с толпой, я объехал вокруг космопорта и притормозил у корпуса Службы безопасности. Старательно имитируя заправского служаку, я с задранной подбородком вошел внутрь и остановился у окошечка контрольно-пропускного пункта. Девушка в униформе

подняла голову и улыбнулась, увидев перед собой бравого полковника с деревянной спиной и выпученными глазами.

– Будьте любезны, документы на имя Гарримана, – отчеканил я и вернул ей улыбку космического волка.

Девушка скользнула уважительным взглядом по моей медали и принялась рыться в бумагах.

Получив временный пропуск и грузовой манифест, я без приключений миновал КПП и вышел на залитое ярким солнцем летное поле. Подавив естественное желание слиться с тенью забора, я одернул китель и уверенно зашагал по открытому пространству. Сейчас я был полковником и имел право перемещаться исключительно по прямой, поскольку в свое время был обучен тому, что прямая есть наикратчайшее расстояние между двумя точками на плоскости.

Никто не проявил к моей персоне интереса. Я без проблем нашел ангар номер тридцать пять и порадовался, что тот стоит на отшибе. Должно быть, хламовник со всяким летающим старьем, подумал я. Как раз то, что нужно.

Судя по физиономии сержанта-охранника, он был разбужен скрежетом открывающейся двери. Увидев мои погоны, сержант вскочил, опрокинул стул и едва не упал сам.

– Вольно! – рявкнул я и помахал фальшивыми бумагами у него перед носом. – Допуск ноль-ноль-три дробь пятьсот! Срочный вызов, категория «альфа».

Сержант поднял стул.

– На... на... надо все про... про... проверить.

Он повернулся к компьютеру.

– Проверьте. Сколько это займет?

– Де... де... десять минут.

– Даю вам тридцать секунд.

– Не... не... не успею.

– Меньше болтайте, – посоветовал я. – Черт знает, что тут у вас за дисциплина.

Сержант как будто уменьшился в размерах. Я навис над ним скалой, упершись кулаками в стол.

– Ка... ка... катер буксируется и будет ждать вас на... на... на седьмой площадке, – сообщил он наконец. – Вы летите один, полковник Га... Га... Гарриман?

– Да. С грузом.

– Ха... ха... характер груза?

– Материальное обеспечение. Шифр «пять нулей».

– А-а, для *этих*, зна... зна... значит.

– Для кого – это вас не касается, – отрубил я.

– Так точно. В таком случае, по... по... полковник, у ме... ме... меня все. Счастливого пу... пу... пути.

Пока все складывалось как нельзя лучше.

Я покинул ангар и направился к седьмой стартовой площадке. Времени оставалось еще достаточно, и я не торопился. В конце концов, это были мои последние минуты на старушке Земле. Можно было мысленно проститься с прошлым, вызвать в памяти что-нибудь доброе и позитивное.

Перед моим внутренним взором возникло лицо генерального прокурора, и я непроизвольно ускорил шаг.

Вот и нужная мне дыра. Края опалены, решетчатый лифт с призывно распахнутой дверью. Я спустился вниз. Вокруг катера, как сонные мухи, ползали техники в комбинезонах. Я наорал на них, и они как будто зашевелились активнее. Начальник площадки, майор, сделал попытку дать мне словесный отпор, но его медаль «За три венерианских похода с ночевкой»

не шла ни в какое сравнение с моей, и любитель пособачиться, проведив напоследок что-то насчет шляющихся тут полковников, исчез из виду.

Люк был распахнут, я забрался в кабину и расположился в кресле первого пилота. Огляделся, стараясь не поддаться панике. С опаской потрогал штурвал. Наступила наиболее ответственная часть всего предприятия. Если мне удастся вывести эту штуку за пределы атмосферы, то дело можно будет считать сделанным. Там управление катером возьмет на себя автопилот, программа для которого покоилась во внутреннем кармане моего кителя. А пока что придется воспользоваться шпаргалкой, составленной для меня знающими людьми.

Я разложил на коленях листки бумаги и углубился в изучение систем корабля. На все про все у меня было не больше получаса.

Вскоре мне доложили о предстартовой готовности. Я спросил про груз. Мне ответили, что он прибыл и закреплен по всем правилам. К этому времени я был уже почти уверен, что смогу не опрокинуть корабль при взлете.

Оставалось одиннадцать минут. Я задраил люки и поспешил в грузовой отсек. Вскрыл контейнер и помог выбраться жене и детям. Эльза была здорово напугана, зато глаза Майкла горели от возбуждения.

– Папа, так это похищение космического корабля класса «Щепка»? Статья пятьсот первая? Десять лет на Марсе – с ума сойти!

– Все прошло как по маслу, – сообщила Линда, занимая место второго пилота. – Кстати, сколько ты отсыпал бригадиру погрузчиков?

– Вдвое больше, чем он просил, – улыбнулся я. – Грамотный подход к людям – мой конек.

– Папа купил всех с потрохами, – объяснил Майкл наморщившей лоб сестре.

По периметру кабины зажглось великое множество лампочек и индикаторов, в кормовом отсеке мощно и ровно загудело. Общее освещение упало на три четверти, наши лица приобрели зловещий оттенок. Дети притихли.

– Взлетать будем на ручном управлении, – предупредил я. – Так что немного потрясет.

Очень медленно катер стал принимать вертикальное положение.

– Папа, – спросил Майкл несколько напряженно. – А разве ты умеешь пилотировать космические корабли?

– Я прошел экспресс-курс, – сдержанно ответил я.

– Это пока мы сидели в ящике?

– Мама, – нервно спросила Эльза, – мы, что, упадем?

– Ну вот еще, – успокоила ее Линда. – Наш папа всегда знает, что делает, он профессионал. Скучный и предсказуемый. Поэтому бояться нечего.

– Папа не скучный, – встала на мою защиту Эльза. – Он веселый и в этом пиджачке со звездочками похож на клоуна.

Начался обратный отсчет. При слове «ноль» я привел в действие нечто, называвшееся «основной тягой» и вцепился в штурвал, мысленно повторяя нужную последовательность действий. Корпус мелко завибрировал. Горизонт на главном экране качнулся и ушел вниз.

Космический катер решительно устремился в небо, показывая одуроченной Земле длинный огненный язык.

* * *

Перелет от Земли до Юпитера занял чуть более двух суток и не преподнес никаких неожиданностей. Я полностью освоил принципы ручного пилотирования и перестал беспокоиться насчет предстоящей стыковки с крупным межзвездным лайнером. Управлять космическим кораблем оказалось не так уж и сложно. Мне даже понравилось.

Выйдя на орбиту планеты-гиганта, я послал в пространство зашифрованный запрос. Ответ пришел почти сразу же: мне предлагалось изменить курс и двигаться в сторону северного полюса.

После часа томительного ожидания впереди засияла яркая точка. По мере приближения она росла, обретала форму и в конце концов превратилась в великолепный трехпалубный лайнер.

– Билетов у нас, конечно, нет, – уверенно предположил Майкл.

– Они нам не понадобятся, – ответил я, счастливо потягиваясь. – Эта громадина целиком в нашем распоряжении.

– Я ошибся, – Майкл не отрывал взгляда от экрана. – Это не пятьсот первая статья, это статья шестьсот двадцать пятая прим. От двадцати до вышки. Что-то мне неспокойно.

Я хмыкнул и почесал кончик носа.

– Всего-то и осталось, что пристыковаться.

Строго говоря, стыковкой процесс поглощения утлой грузовой лодки гигантским кораблем можно было назвать лишь с большой натяжкой. Я просто влетел на малой скорости в огромный люк, погасил скорость и выключить двигатель. Остальное произошло автоматически. Когда в шлюзовом отсеке установилось нормальное давление, мы собрали вещи и трап-подъемник доставил нас на нижнюю палубу.

– А что, – спросила Эльза, настороженно озираясь, – мы тут совсем одни?

Пустые помещения и коридоры ее пугали.

– Почти, – ответил я. – Есть еще двое в командном отсеке. Но скоро придут другие, в том числе дети, так что скучно не будет.

– Эти двое – они твои сообщники? – поинтересовался Майкл.

– Можно сказать и так. Полгода играют тут в полицейских, якобы штатные охранники. Но они такие же полицейские, как я – полковник. Один из них художник, другой – компьютерщик. Сейчас у них полно дел. А вот нам с вами, как мне кажется, пора наконец поесть по-человечески.

– Хочу котлету, – сказал Майкл. – Самую большую.

– А я – мороженое! – в восторге закричала Эльза.

* * *

Центральная палуба была ярко освещена, однако она отнюдь не поражала роскошью. Скучность интерьера бросалась в глаза. Как будто отсюда вынесли все, что имело хоть какую-то ценность.

– Странный корабль ты украл, папа, – не замедлил обратить внимание на это обстоятельство Майкл. – Мне кажется, его уже пару раз крали, до тебя. Погляди – почти ничего не осталось.

– Еда осталась, – сказала Эльза. – И еще бассейн.

Мы сидели в главном зале за пустым игральным столом. Мягкие кресла дарили ощущения покоя и умиротворенности. Я раскуривал сигару.

– И что дальше? – продолжал допытываться Майкл. – Как далеко мы успеем удрать, прежде чем нас сцапают? И что потом, как мы вернемся домой?

– Майкл, дорогой, – с любовью глядя на сына, сказала Линда, – разве ты забыл, что у нашего папы всегда все под контролем?

– Не забыл, – Майкл пожал плечами. – И еще мне припоминается, что какой-то профессионал от звонка до звонка отбарабанил свой срок на Луне.

– Было дело, – усмехнулся я, пуская дым к псевдопрозрачному потолку.

Выпуклый бок Юпитера медленно поворачивался над нашими головами.

– Скажи, Майкл, – продолжал я. – Тебе очень нравится твоя школа? Тупицы-одноклассники, тупицы-учителя, бессмысленная зубрежка, драки по поводу и без. А в будущем – проблема денег, пособие по безработице, неизбежная попытка ограбить банк, Луна... Я прямо-таки вижу тебя в полосатом скафандре с заступом в руках. Ты сильно расстроишься, если вдруг лишишься всего этого?

– Я обрыдаюсь.

– А ты, – обратился я к дочери, – что ты думаешь о своем любимом детском садике с решетками на окнах?

– Фу! – Эльза скорчила гримасу. – Какая гадость!

– Папа, – спросил Майкл подозрительно, – ты это все к чему?

Я посмотрел на Линду, и мы улыбнулись друг другу.

– Наконец-то я могу это произнести, – сказал я и повернулся к детям. – Дело в том, что мы крадем не звездолет, – это было бы глупо, зачем он нам? Мы крадем планету. И мы не собираемся возвращаться на Землю.

Я выпустил очередную порцию голубоватого дыма в сторону Юпитера. Майкл смотрел на меня с состраданием.

– Мама, у папы что-то с головой? У него комплекс Наполеона?

– Майкл, дорогой, папа всегда знает, что делает.

– Я ведь не сказал, что хочу *завоевать* планету. Я сказал, что хочу ее *украсть*.

Майкл пожал плечами. Он был до смерти разочарован. Он думал, что каникулы безнадежно испорчены. Он еще не осознал всей значимости происходящего.

– Это как с банком, – пояснил я на доступном примере. – Можно приклеить усы, оттопыренным в кармане указательным пальцем напугать охранника, унести дневную выручку кассы, а потом полтора года наслаждаться пониженной лунной гравитацией. А можно украсть весь банк целиком, став его президентом. Став президентом фонда, можно украсть фонд, а став президентом страны, можно украсть всю страну. Понимаете, о чем я?

Дети подавленно молчали.

– Мы украдем такую планету, что пальчики оближите. Да еще три луны в придачу.

– Тебе одной было недостаточно? – спросил Майкл. – Папа, ты безумен. Находка для психиатров.

Эльза начала плакать.

– Мама, вас с папой посадят, и мы вас больше никогда не увидим?

Линда принялась утирать ей слезы.

– Послушайте, – сказал я, раздражаясь. – Неужели вы думаете, что я пошел бы на это, не будь на все сто процентов уверен в успехе?

И я начал рассказывать им все с самого начала.

Как во время моего вынужденного пребывания на Луне я не раз слышал одну и ту же историю о некоем правительственном проекте, касающемся судьбы заключенных, приговоренных к срокам свыше пятнадцати лет. Этих ребят запирают в отслужившем свой век звездолете и отправляют напрямиком на край света обживать незаселенные планеты. Желающих добровольно покорять новые миры, как известно, не слишком много, к тому же в большинстве своем это идеалисты, мало приспособленные к нестандартным условиям существования.

Про то, как вышел на одного продвинутого программиста, известного среди заключенных под кличкой Скромный Компьютерный Гений, и сумел заинтересовать его своим планом.

Про то, как мы вдвоем разработали тактику и стратегию предстоящей кампании.

Про то, как Скромный Компьютерный Гений прямо с Луны проник в банки данных организаций по надзору за соблюдением законов в *исправительных* учреждениях и слегка

там поколдовал. В результате списки претендентов на звание «переселенец-первопроходец» претерпели некоторые изменения – в них появились новые фамилии.

Про то, каких сил стоило привлечь к нашему делу находящихся на воле, но не слишком дружащих с законом влиятельных людей и, соблюдая полную секретность, собрать необходимую сумму, обеспечивающую материальную базу нашего проекта.

Про то, как забавно было подкупать пугливых чиновников и внедрять в охранную службу своих людей.

Про то, как непросто было выбрать устраивавшую всех планету и сделать так, чтобы в реестре пригодных для колонизации миров она оказалась под грифом «Принудительная колонизация. Карантин 500 лет».

– И вот наконец все позади, – закончил я свой рассказ. – Мы набираем скорость и завтра, за орбитой Урана, примем на борт остальных членов нашей веселой команды. По документам все мы – принудительно переселяемые, и наша дальнейшая судьба никого не волнует. Даже если правда когда-нибудь и выплывет наружу, это не будет иметь значения. Теперь вы понимаете, сколь фантастические перспективы раскрываются перед нами?

– А почему это влиятельные люди стали тебе помогать? – подозрительно прищурился Майкл.

– Потому что мы забираем с собой некоторое количество их неугодных родственников и бывших друзей. Я так понимаю, согласия этих бедолаг никто не спрашивал. Я тоже вопросов не задавал. В конце концов, как говорится, за столом никто у нас не лишний. Места хватит всем.

– А мороженого всем хватит? – с беспокойством спросила Эльза.

– Не волнуйся, милая. Мы берем с собой очень много разных машин и приборов. Они построят нам дома и дороги, будут изготавливать нужные вещи, готовить пищу. Они исполнят любое твоё желание.

– Мы будем ходить на охоту! – просиял Майкл.

– Это уж как захочешь. Вообще, каждый найдет себе занятие по душе, скучать не придется.

– И когда же мы туда доберемся? – Сын сторал от нетерпения.

– Стандартный полет рассчитан приблизительно на пять лет, чтобы заключенные успели переосмыслить собственную жизнь и сделать нужные выводы, однако нас, разумеется, такие сроки не устраивают. Мы будем там через три месяца.

– Ура! – завопил Майкл. – Своя планета! Что хотим, то и делаем!

– Не совсем так, – усмехнулся я, – но что-то вроде. Надеюсь, через пару лет никто из нас о Земле и не вспомнит.

* * *

Все шло как по маслу, даже не верилось. За орбитой Плутона нас поджидали несколько прогулочных яхт и тяжелых звездных грузовиков, под завязку набитых людьми и всем тем, что нам потребуется в ближайшие сто лет. Корабль сразу же преобразился, перестав быть похожим на космический призрак. Палубы и отсеки наполнились голосами взрослых, криками и смехом детей. Гудели погрузчики, деловито сновали туда-сюда электронные стюарды и мусорщики. Настроение у экипажа было приподнятое, никто не жалел о сделанном выборе. Даже неугодные родственники и бывшие друзья влиятельных людей, поначалу уверенные, что не сегодня-завтра их непременно выбросят за борт, со временем расслабились и влились в компанию. Все мы ощущали себя владетелями пещеры Али-Бабы. Жизнь началась сначала.

Благодаря тщательному отбору, публика на нашем ковчеге подобралась в основном интеллигентная. Здесь были математики, художники, поэты, талантливые инженеры и просто приличные люди, решившие по той или иной причине навсегда порвать с человечеством. У нас был даже чудаковатый философ-экзистенциалист, пятьдесят лет жизни угробивший на поиски смысла бессмысленности своего существования и теперь надеявшийся отыскать его в просторах Вселенной.

Несмотря на различие характеров, мы отлично ужились друг с другом. Думаю, не в последнюю очередь оттого, что всего у нас было в достатке. Психолог, на присутствии которого в свое время настояла Линда, профессионально скучал. Койка в его кабинете оставалась пустой, а самого доктора все чаще видели ходящим по потолку в магнитных ботинках.

Мы читали, смотрели фильмы, слушали музыку, играли, занимались спортом, а тем временем наш корабль все дальше уходил от Земли, уверенно приближаясь к месту своей последней стоянки.

В один из дней я торжественно и взволнованно объявил по внутренней связи, что нами пройдена половина пути. По этому поводу был устроен банкет. После полусотни тостов за свободу, независимость и светлое будущее мы провели конкурс на лучшее название нашей планеты. Победителем неожиданно стал мой сын Майкл, предложивший дать новой родине пусть несколько варварское, но зато громкое и звучное имя Нанабу, что, как нетрудно догадаться, было сокращенной формой выражения «надежда на будущее».

Я даже начал жалеть, что наше путешествие скоро закончится. Став нанабубянами, мы неизбежно отдалимся друг от друга. Каждый выберет себе местечко по вкусу, обустроится – и прощай наша веселая компания. Мы, конечно, будем встречаться, наносить друг другу визиты, но планета такая большая, а нас, в сущности, так мало... В кого превратятся на новом месте все эти оптимисты и весельчаки? То ли дело сейчас: у поэтов усложнились и обогатились рифмы, у художников появились новые цветовые решения, у погрязших в бесконечных научных спорах математиков назревало открытие, а философ-экзистенциалист, часами не вылезавший из бассейна, кажется, нашел смысл бессмысленности существования в незатейливой игре в мяч с несколькими незамужними дамами. Даже Скромный Компьютерный Гений, тихий и незаметный, и тот изменился до неузнаваемости: он научился брэнчать на гитаре, отрастил бороду и перешел со всеми на «ты».

Мы больше не были группой случайных попутчиков. Мы стали сплоченным обществом единомышленников. Еще немного – и мы станем гражданами нового свободного мира.

На исходе третьего месяца мы вошли в поле притяжения безымянного солнца, Нанабу была его второй планетой. Взволнованные, мы начали готовиться к посадке.

* * *

Корабль мягко принабубился в зеленой долине у подножия гигантского горного хребта, в полукилометре от берега моря. Переполняемые естественным желанием как можно скорее ступить на твердую землю, мы едва дождались, пока откроются люки. Дети прыгали и галдели как сумасшедшие, взрослые откупоривали шампанское и поздравляли друг друга прибытием, а по грузовым пандусам, тем временем, уже спускалась техника. Первыми появились тяжелые строительные механизмы, за ними последовали смешные, похожие на щелкунчиков на паучьих ножках, роботы, мягко, но настойчиво потребовавшие отойти нас как можно дальше от корабля. Должно быть, организуют зону временного складирования, подумал я и предложил всем немедленно отправиться к морю, чтобы не мешать разгрузочным работам.

Из ближайшей рощи доносилось пение птиц, теплый ветерок нежно овеивал лицо. Дикая природа ослепляла буйством красок и волновала незнакомыми ароматами. Величественно и дружелюбно рокотали накатывающие на желтый песок волны.

Судя по положению солнца, был приблизительно полдень; таким образом, до наступления сумерек оставалось около восьми земных часов. При соответствующей организации мы могли бы успеть ознакомиться с окрестностями, совершив для начала экскурсию вдоль побережья, а затем, если останутся силы, наведаться к предгорью... Хотя, одернул я себя, куда нам теперь торопиться? Прошлое благополучно осталось в прошлом, и лучше поскорее отвыкнуть от застарелой земной привычки кидаться всюду со всех ног, пытаясь успеть сделать тысячу дел одновременно.

Я оглянулся.

Огромная туша звездолета лежала на грунте, словно сказочный гигант, уснувший мертвым сном после выполнения долгой и изнурительной работы. Отныне кораблю предстояло выполнять совершенно иные функции. Он станет нашим «замком»: будет одновременно и надежным убежищем, и центральным складом, и главным информационным хранилищем. Внуки будут слагать о нем легенды.

Тут только я обратил внимание на то, что нас не сопровождает никто из роботов-охранников. Очевидно, предполагалось, что звездолет при посадке распугал всю местную живность, и нужды в стражах пока нет. Может, оно, конечно, и так, но все же с неизвестностью лучше не шутить. Первое впечатление, пусть даже самое благоприятное, всегда может оказаться обманчивым. Про наш новый дом еще ничего толком не было известно. Пройдет несколько дней, прежде чем автоматы соберут подробные сведения об этой части материка, и только тогда мы точно будем знать, где жарить шашлыки, где гонять мяч, а куда без оружия лучше не соваться.

Люди, получившие после трех месяцев заключения долгожданную свободу, поделились на маленькие группки и разбрелись по берегу. Поэты направились к группе деревьев, с ветвей которых тяжело свисали крупные оранжевые плоды. Я крикнул им вдогонку, чтобы они не ели незнакомую пищу, а отнесли ее сначала на корабль, но не был уверен, что меня услышали. Оставалось надеяться на здравый смысл любимцев муз.

Внезапно низкий дребезжащий гул нарушил тишину нашей сказочной долины. Все повернулись и стали смотреть назад. От звездолета, надсадно ревя, отъезжала колонна из трех гусеничных машин. В соответствии с вложенной в них программой колонна двинулась по направлению к скалам, по-видимому, в поисках нужных материалов. Самоходная бурильная установка шла первой, подминая под себя тощие деревца и ловко лавируя между крупными валунами.

Я стоял и улыбался. Что и говорить, наши программисты потрудились на славу. Все происходило само собой, как будто по волшебству. Когда-нибудь Скромному Компьютерному Гению поставят здесь памятник.

Тем временем математики принялись прутиками чертить на песке графики, таблицы и формулы. Неудобные родственники и бывшие друзья влиятельных людей, решив, видимо, что теперь им и черт не брат, разделись и с гиканьем бросились в волны. Чуть помедлив, их примеру последовали философ-экзистенциалист и не отходившие от него ни на шаг незамужние дамы.

А вот поэтов ждало разочарование: при их приближении оранжевые «плоды» снялись с веток, расправили крылья и улетели, прицельно обдав потревоживших их людей оранжевым пометом. Так что стихотворцам волей-неволей пришлось избавляться от одежды и лезть в воду отмываться.

Майкл подошел к одиннадцатилетней дочке скульптора, дернул ее за косу и сказал:

– Когда мы вырастем, ты будешь моей женой.

– Вот еще! – фыркнула дочка скульптора и покраснела. – Дурак!
Я умилился.

Вскоре мы уже все плескались в море. Вода была кристально-чистой, прохладной, чуть солоноватой. Здесь было мелководе, и опасаться крупных хищных рыб, наверное, не стоило. Если бы меня в тот момент спросили, чего мне не хватает для полного счастья, я затруднился бы ответить.

Наше беззаботное веселье продолжалось, должно быть, не менее часа. Со стороны звездолета доносился шум работающих машин, из-за деревьев время от времени поднимались струйки дыма, но мы не обращали на это внимания. Линда учила Эльзу плавать, а я покачивался на волнах и обдумывал жизненный план на ближайшие пятьдесят лет.

От приятных мыслей меня отвлекли возбужденные голоса программистов. Оказывается, на берегу объявились корабельные мусорщики-«щелкунчики» на паучьих ножках. Они стремительно носились по песку, увлеченно собирая оставленную нами одежду, и тут же отправляли ее в утилизатор. Квадратный «рот» щелкунчика принимал тряпье, раздавался аннигиляционный хлопок, и удовлетворенный робот спешил дальше, деловито помахивая в воздухе тонкими гибкими манипуляторами. Программисты на повышенных тонах пытались выяснить, кто из них придумал столь нелепую и неуместную в приличном обществе шутку.

Слышались все новые и новые возмущенные голоса. Люди в спешке выбирались из воды, однако автоматы никак не реагировали на появление хозяев утилизируемых объектов. Ловко увертываясь от пинков и тумаков, они продолжали свое черное дело. Даже если кому-то и удавалось в последний момент спасти часть своего гардероба, «щелкунчик» тут же наглядно демонстрировал несомненное превосходство трех ловких кибермеханических рук над руками человеческими. Поединок был до обидного коротким, и от рубашки или туфель вскоре оставалось лишь воспоминание.

Закончив и убедившись в том, что берег чист, мусорщики оцепили нас полукольцом и нетерпеливыми жестами стали требовать, чтобы мы отдали им то, что еще на нас оставалось. Позади шумело море, отступать было некуда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.